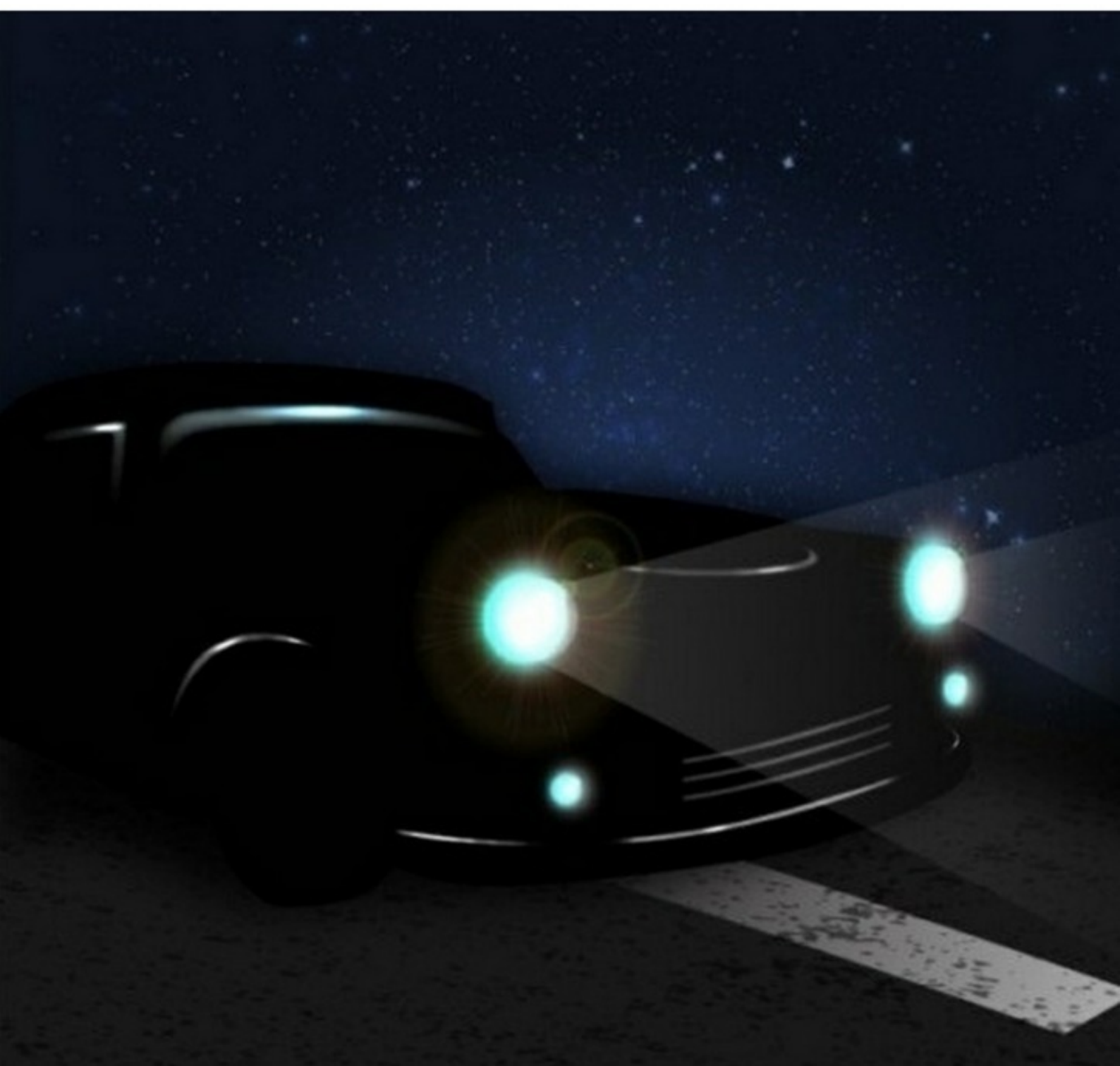

Вера Клаусова

Страх

Детектив на один вечер

Вера Клаусова

Страх. Детектив на один вечер

«Издательские решения»

Клаусова В.

Страх. Детектив на один вечер / В. Клаусова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833943-1

Начинающая, но уже модная писательница детективных романов приезжает в свой бывший загородный дом, чтобы в одиночестве работать над очередной книгой. Как вскоре выясняется, ее одиночество оказывается иллюзорным...

ISBN 978-5-44-833943-1

© Клаусова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Страх
Детектив на один вечер
Вера Клаусова

Месть лучше всего подавать в холодном виде
Эжен Сю, «Матильда»

© Вера Клаусова, 2016

ISBN 978-5-4483-3943-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Скромный дневной свет, пробивающийся сквозь густые ветви, превращал темно-коричневую опавшую листву бучины в нечто, напоминающее цветом и матовым блеском выцветшее красное дерево. Верхний слой листвы, уже вполне сухой, мирно шелестел под колесами, но Вера хорошо знала, что под ним скрывается скользкая осенняя грязь. Она ехала осторожно, больше всего опасаясь попасть в разъезженную колею, глубокую и предательскую. Попадешь в нее – останешься торчать тут навеки.

Выехав на лужайку, она повернула машину направо и остановилась у огромной поленницы, на границе с соседским участком, где почва была, казалось, немного посуше и потверже. Выключив мотор, посидела немного, не выпуская из рук рулевое колесо.

Вокруг простиралась девственная природа Шумавы, лесного края на юге Чехии. Неяркая осенняя красота, словно картина художника-дальтоника в серых, коричневых и ржаво-красных тонах. Небо опрокинулось над ней как тонкая чаша светло-голубого стекла, сквозь которую проглядывало солнце, бессильно повисшее на нижних ветвях голых берез.

Леса и леса, насколько хватало глаз. Зеленый занавес елей, дубовые и буковые перелески, ореховые заросли. Целая Вселенная в миниатюре – на первый взгляд, безлюдная, но на деле полная скрытой жизни.

Вера машинально улыбнулась, и с ее губ слетел короткий вздох облегчения и... да, пожалуй, и счастья. Пришло время сделать шаг назад и наконец-то попытаться разобраться в своей жизни. В первый и последний раз.

Дом выглядел заброшенным – застывшим в немом укоре, как всегда, когда к нему возвращались после долгой отлучки. Запущенный сад, газон, весь усыпанный сухой листвой, высокие засохшие остатки каких-то цветов на клумбах, торчащие к небу поломанными копьями. Ничего другого ждать не приходилось, но Вера все же почувствовала нечто, похожее на мгновенный укол разочарования. В ее представлении дом и сад пребывали в вечном, нескончаемом лете, в веселых зарослях травы, щебетании птиц и кипении жасмина.

Пора бы ей стать мудрее. Такова уж жизнь, ничего не поделаешь. Лето сменяется зимой – вечный закон природы.

Старые садовые качели отслужили свое и валялись в траве, выбеленные долгими дождями, точно кости воина на поле боя. «Видно, Станда тоже не приезжал сюда целую вечность», подумала Вера. И дом, оставшись без хозяина, ветшал, понемногу разрушался, но терпеливо ждал – днем и ночью, под солнцем, снегом и дождем. Словно брошенный пес.

Она достала ключ и отперла входную дверь. В ноздри ударил хорошо знакомый затхлый холодный воздух, смешанный с самыми разными запахами, воздух старого деревенского дома. Удивительно, подумалось ей, он точно такой же, как в тот первый день, почти пятнадцать лет назад, когда она впервые переступила порог этого дома, вечный, как воспоминание о детстве. Запах соломы, и дегтя, и керосина, и плесени, и чего-то еще неопределенного, возможно, старого дерева, и дряхлой обивки, и мышей. Запах одиночества.

Она впервые осознала, что теперь она совершенно одна. Наверное, странно, но это открытие наполнило ее гордостью, как будто то, что она отважилась сюда выбраться, что-то доказывает. Вероятно, просто то, что она, наконец, стала взрослой.

«Долго же это длилось», машинально подумала она. Этот процесс взросления. Но теперь все позади. Доказательством тому было то, что она приехала сюда одна, чтобы остаться наедине с собой в большом старом доме, вдалеке от людей. Ближайший дом стоял, правда, всего в сотне метров, и принадлежал их соседу, зубному врачу, тому самому, который сложил великолепную поленницу, но тот уже тоже не приезжал сюда, видимо, довольно долго. А с противопо-

ложной стороны, примерно в полукилометре, стояла заброшенная ферма, где много лет никто не жил, с полуразвалившимся хлевом и мощным двором, заросшим крапивой. Усадебный дом еще держался, если не считать того, что все окна были давным-давно выбиты. До ближайшей деревни было километров пять, но и там осталось жить всего несколько человек.

Вера прошла через прихожую в кухню, безукоризненно убранную, но отмеченную печалью того же одиночества, лишь немного скрашенного вездесущими мышами, помет которых был разбросан по полу и на столе. Она оставила дорожную сумку и футляр с пишущей машинкой у двери и направилась дальше, осматривая дом. По пути она в каждой комнате включала электрические радиаторы, вспомнив при этом, сколько труда стоило заставить Станду создать в доме хоть немного уюта и комфорта. Станда упрямо хотел оставить дом в том же первобытном состоянии, каким он достался ему после смерти родителей. С дымящей дровяной плитой на кухне, кафельной печкой с камином в гостиной, чадающим керосиновым котлом в прихожей. И с допотопным газовым калорифером в спальне, которого она так боялась поначалу и которому так и не научилась доверять. Сколько раз она, бывало, тревожно просыпалась среди ночи, принюхиваясь к запаху газа и проверяя, не погасла ли горелка.

Устройство котла в прихожей так и осталось ей неизвестно, и она решила пока что его не трогать. Котел тоже был в полном ведении Станды, как и большинство всех прочих, казалось бы, простых, но таких необходимых домашних мелочей. Обратная сторона счастливого супружества. Муж колот дрова, разводил огонь в печи, чинил водяной насос и заменял электропробки в прихожей, а жена понемногу превращалась в беспомощную приживалку. «Осталось только дозвониться до службы спасения и пожаловаться на то, что я не умею растопить печку», подумала Вера с претензией на юмор висельника. А еще лучше – попросить найти мужчину, который сумел бы перекрыть водопровод на зиму и закрыть крышкой колодец скважины. Не говоря уж о том, чтобы прочистить дымоход, наточить ножи, поправить покосившийся ставень или... или достать из мышеловки мертвую мышь.

Стоп, остановила себя она, уж не собираюсь ли я... но тут же отогнала эту предательскую мысль прочь. К счастью, пока ничего такого не требовалось: радиаторы отлично грели, разгоняя холод и сырость, водопровод, кажется, Станда успел утеплить, да и до настоящих морозов пока далеко. Трубочиста и электрика всегда можно вызвать по телефону, ну, а мыши... мыши могут спокойно жить дальше в свое удовольствие.

Спальня под крышей дома, казалось, до сих пор хранила давно ушедшее лето: розовые обои, белые шторы с воланами, старинные кружевные накидки на кроватях и тюлевый кринолин на туалетном столике. Вечное, бесконечное лето, замершее словно букет сухих цветов на стене, лето как воспоминание о безмятежном, беззаботном счастье в сердцах влюбленных. Вера повернула выключатель электрического радиатора под окном и тут же заметила кучку дохлых мух на подоконнике. Мысль пришла сама собой, новая и неприятная. Тут уж бессмысленно звать на помощь.

Бог знает почему, но с детства все насекомые внушали ей необъяснимый, безотчетный ужас. Напрасно она сколько раз пыталась уговорить себя, убедить, что это глупо и смешно, изгнать из тайников души этот нелепый страх, но тщетно. Слишком уж глубоко он в ней укоренился. «Но не могу же я спать в комнате вместе с дохлыми мухами!», подумала она в отчаянии. С искаженным отвращением лицом она, отвернув голову и стараясь не смотреть, при помощи спичечного коробка смахнула мух в мусорную корзину. И проделав это, вздохнула с облегчением и гордостью, будто свершила нечто поистине героическое.

Со временем появятся и живые мухи, она это отлично знала. Сонные октябрьские твари, которые залезли на зиму в укромные щели, но теперь, сбитые с толку неожиданным теплом, проснутся, выползут наружу и будут бессильно летать кругами вокруг лампы, отвратительно жужжа. И уж расправиться с ними – ее задача. Так сказать, прямая обязанность взрослого, вполне самостоятельного человека.

Она обошла мансарду и спустилась по второй лестнице, крутой и шаткой, которую Станда соорудил сам из больших сланцевых плит, положенных на деревянные косоуры, но толком так и не привинченных. Поручень тоже был закреплен на скорую руку. Трудно сказать, когда Станда собирался завершить эту работу. Свой план, каким бы тот ни был, он оставил при себе.

Выйдя в кухню, она увидела у порога дорожную сумку и машинку – весь ее багаж. Самые необходимые вещи: бумага, белье и туалетные принадлежности, ничего больше. Старых свитеров, брюк, курток и сапог в доме было хоть отбавляй. Несколько лет она складывала в доме ненужные вещи, они наверняка лежали на том месте, где она их оставила. Станда не сумел бы избавиться ни от чего, что когда-то ей принадлежало. А теперь она может пользоваться ими, словно бы и не было тех десяти лет, словно она отложила их только вчера. Как будто бы ничего и не случилось за это время...

Мурлыкая себе под нос какую-то мелодию, Вера снова обошла нижний этаж, уже не торопясь. В доме понемногу начало разливаться блаженное тепло, холод и сырость отступали в дальние уголки. «Пожалуй, стоит разобрать вещи и отправиться в деревню за покупками», подумала она. Главное – запастись провизией, чтобы подольше не покидать дом.

Разобрав скудный багаж и разложив вещи по местам, она распаковала пишущую машинку и отнесла ее в «кабинет» – так Станда в шутку называл малюсенькую комнатку между прихожей и кухней, которую она с самого начала, как нечто вполне разумеющееся, привыкла считать своей.

На столе у окна она обнаружила записку с аккуратным почерком Станды:

«Здравствуй. Чувствуй себя как дома. В синей тумбе в прихожей тебя ждет сюрприз. Станислав».

«Сюрприз». Очень похоже на Станду. Видимо, он совсем не изменился за эти годы. Вера пошла взглянуть на то, что скрывалось в синей тумбе, готовая увидеть кольцо с бриллиантом или, по меньшей мере, бутылку шампанского.

Находка оказалось еще более удивительной; Станислав сделал очередную уступку цивилизации. В темноте ящика тумбы стоял новенький белый телефонный аппарат, скрытый от посторонних глаз, словно не желая быть на виду в неподходящей обстановке, нарушая стародавнее очарование деревенского дома.

Она сняла трубку и прислушалась к длинному, успокаивающему тону. Звук его будто шептал ей, что она не отрезана от мира, что на том, бесконечно удаленном конце провода есть люди, которые придут на помощь, если та понадобится, достаточно только несколько раз покрутить диск. Это давало приятное чувство безопасности.

Она поймала себя на том, что улыбается, вешая трубку. И тут же нахмурилась, недовольная собой. «Трусиха», упрекнула она себя. «Это только пустые слова, что ты стала взрослой. А на самом деле ты еще ребенок, который боится выйти в темный коридор» – «Ну, и что же? Пусть», ответил ей другой голос. «Пусть я испугалась, пусть дрожу от страха, пусть сердце сжимается от шорохов и скрипов, пусть я до смерти боюсь услышать в ночи чьи-то шаги – что из того? Все равно я тут останусь – ведь от страха не умирают! – и буду знать, что все эти шаги и вздохи существуют только в моем воображении. Короче говоря, я сама пошла на это. Да и вообще, достаточно пережить первую ночь, потом будет легче».

Она вернулась в кабинет и стала готовить себе рабочее место. Машинку она поставила на стол у окна, к столу вместо корзины для мусора пододвинула большой медный котел. Потом достала из сумки стопку писчей бумаги и папку с первыми страницами своего нового романа, который еще даже не имел названия, да и вообще существовал пока в виде неясных представлений в ее голове. Она очень надеялась, что если получит возможность работать в тишине

и спокойствию, напишет по-настоящему хорошую книгу. Если, конечно, ничего не случится в этом заброшенном месте. А пока будет работать, постарается хорошенько обдумать, что делать дальше, чем заниматься и какой дорогой отправиться после того, как она покинет этот дом. И, скорее всего, уже навсегда.

Хотя... что тут может случиться? Что может помешать ей в работе? Болезнь? Она чувствовала себя вполне здоровой и в лучшей форме, чем когда бы то ни было. Депрессия? Тоска по людям? Одиночество? Или просто острая неспособность изложить свои мысли на бумаге? Конечно, с такой возможностью должен считаться любой писатель.

«Писатель». Вера снова произнесла про себя это непривычное слово. Она написала всего три тонких романа, фактически повести, и совсем не считала себя мастером. Может быть, когда-нибудь... Когда на ее счету будет книг десять, вот тогда можно говорить о том, что из себя представляет это занятие. Если это вообще произойдет.

Она закончила подготовку и только тут вдруг осознала, как голодна. Пожалуй, самое время отправиться в деревню. Дорога в местный магазинчик хоть немного отвлечет ее от невеселых мыслей и, главное, позволит запастись провизией.

Легким шагом она подошла к машине, глубоко вдыхая терпкий запах осени, убежденная, что поступила правильно, когда отправилась сюда одна, наотрез отказавшись от предложения Станды составить ей компанию хотя бы на первые дни.

Машина покорно ждала ее на лужайке как близкий, преданный друг. Она провела рукой по капоту, все еще тепловатому, и подумала: «Нет, я не одна. Не совсем одна».

В древнем уютном деревенском магазинчике в Местиште, который, вероятно, доживал свои последние дни перед тем как либо навсегда закончить свое существование, либо уступить место скучному стандартному торговому павильону, за прилавком, как обычно, сидела пани Тылова, в своем неизменном светло-голубом халате, только гораздо более седая и раздавленная в талии, чем раньше. Вера ее сразу узнала, как и та Веру. Пани Тылова расплылась в улыбке, привстала и протянула через прилавок пухлую ладонь.

– А, какие гости! – сказала она довольным тоном. Потом повернула голову и громко сказала куда-то вглубь:

– Бертик, иди посмотри, кто к нам пришел!

И тут же, оборачиваясь назад, почти на том же дыхании:

– А пан Клаус с вами? Мы его тоже не видели уже сто лет!

Вопрос был таким неожиданным, что Вера почувствовала, как краснеет. Почему-то это показалось ей обидным, и она ответила более резко, чем собиралась:

– Нет, я приехала одна. Хочу побыть в покое.

Пани Тылова замолчала с огорченным видом, отметив про себя раздраженный тон Веры и явно приняв его на свой счет. К счастью, неприятная пауза прервалась, когда в дверях показался пан Тыл, который проводил дни, разливая керосин из бочки по канистрам и перебирая в подвале картошку – к другой работе, по мнению жены, он был непригоден. Его лицо тоже расплылось в улыбке, когда он увидел Веру. «Наверное, это они в предчувствии хорошей торговли», ни к селу ни к городу подумалось ей.

– Какие гости! – произнес он точно таким же тоном, что и его жена минутой раньше. И добавил: – А пан капитан тоже в отпуске? Это хорошо, очень хорошо. Теперь у нас в лесу такая красота!

– Нет, я одна, – лаконично повторила Вера. Не давая супругам возможности свернуть разговор на неприятное, она достала из кармана список и стала заказывать покупки. После того, как дела были закончены, пан Тыл, укладывая продукты в большую картонную коробку, довольно кивнул:

– Ну, судя по всему, вы пробудете у нас долго. Значит, пан капитан приедет на выходные?

– Да, думаю, приедет. Может быть, – солгала Вера, чувствуя, что краска вот-вот снова бросится ей в лицо. Бог знает, почему ей оказалось вдруг так тяжело говорить об этом. Ведь достаточно всего нескольких слов: «Нет, мы не живем вместе, мы уже много лет не живем вместе».

– Недавно я проезжал мимо Дателова, – сказал пан Тыл, когда нес за ней коробку к машине. – Знаете, я едва узнал те места. Раньше там было так красиво, чисто...

– У моего мужа теперь нет времени заниматься домом, – сказала Вера тактично, но твердо. – И у меня, по правде говоря, тоже. Спасибо вам. Я еще приеду, когда кончатся продукты. Или позвоню. У нас теперь телефон.

«У нас». Зачем все время эта ложь, зачем создавать ненужные иллюзии? Словно бы в разводе до сих пор есть что-то постыдное... Ей не за что стыдиться – в конце концов, ведь не все замужества должны быть счастливыми?

Она помахала пану Тылу рукой на прощание и села в машину. Тот стоял на крыльце магазина, когда она завела мотор, развернулась и выехала на дорогу. И до самого поворота Вера видела в зеркальце заднего вида его приземистую, коренастую фигуру.

Когда она вернулась, в доме было уже довольно тепло. Она внесла коробку в кухню и заполнила продуктами почти весь холодильник. У нее опять появилось чувство безопасности – словно в осажденной крепости, подумала она и усмехнулась слову «осажденная». Вряд ли это могло случиться, гостей она не ждала, да и откуда им тут было взяться? Кто знает о месте ее пребывания, где она собирается остаться в абсолютном покое: обдумать свое положение, продолжать работать, есть, спать, ходить на прогулки... Короче говоря, воплотить мечту каждого писателя: запереться в пустом доме, наедине со своими мыслями и с тем, что – в лучшем случае – удастся запечатлеть на бумаге. Редко какому автору подворачивается такая возможность: оторваться от мира и посвятить себя работе. Сколько их вынуждено долгие годы считаться с бедностью, неустроенностью, шумными семейными заботами, детским плачем в ночи, сколько их вынуждено зарабатывать тяжким трудом себе на пропитание, не забывая при этом о своих родных, ближних и соседях!

Она приготовила импровизированный обед – омлет с ветчиной и помидорами – самое простое, что пришло в голову, и неторопливо ела, вспоминая, как всегда ненавидела одинокие трапезы. Потом сварила кофе и закурила – первую сигарету за день, – положила в камин в гостиной газету, на нее ворох щепок и палочек, а на них – тонкие поленья и развела огонь. Затем принесла кофе к камину и, попивая его и наблюдая за дымом сигареты, струящимся к потолку, против своей воли начинала осознавать, что одиночество, пусть выстраданное и долгожданное, не так уж прекрасно, как казалось. Одиночество несет в себе зародыш скуки, а Вера ненавидела скуку, и, по правде говоря, никогда не умела составлять компанию самой себе.

Ее охватило непонятное беспокойство, и она снова стала бродить по дому, пока не дошла до запертой «мастерской», толстые каменные стены которой были холодны как лед. Мастерская использовалась только летом как спальня для гостей, там стояли две раскладных кровати и с незапамятных времен два самых настоящих ткацких станка: один большой, второй поменьше. На меньшем даже осталась ее работа: интересно, сколько времени прошло с тех пор, как она ее бросила? Над основой изрядно потрудились мыши: нити беспомощно свисали к полу. Она села на табурет у станка и несколько раз толкнула челнок. Стук станка почему-то вызвал в ней тревогу, она встала и поспешно вернулась в гостиную, как раз в ту минуту, когда огонь в камине погас, оставив после себя только чуть теплую стенку и слабый пряный аромат горелой сосны.

Вера выпила еще чашку кофе и в задумчивости выкурила вторую сигарету, а потом села к машинке и вложила в нее первый лист бумаги. Затем открыла папку с черновиками и попыта-

лась сосредоточиться. В конце концов, начинать придется так или иначе, так почему бы не сделать это теперь?

Однако работа у нее не пошла, и она снова принялась, уже слегка раздраженно, бродить туда и сюда, переходя из комнаты в комнату, в гостиную и обратно в кухню. Чтобы немного отвлечься, она застелила постель чистым бельем и осмотрелась вокруг – что бы еще сделать?

Несколько сонных мух уже успели выползти из своих укрытий, одна из них запуталась в старой паутине и теперь беспомощно жужжала, болтая лапками. При ее виде Веру затошнило. Она быстро потянулась к газете, свернула ее в трубку и ударила, почти не глядя. Со второй попытки она попала и с брезгливым видом смахнула мертвое насекомое в корзину. При этом она успела заметить свое отражение в зеркале на стене. Перекошенное гримасой бледное лицо без следа косметики, спутанные волосы и морщины на лбу и у переносицы. «Несравненная Вера Клаусова», саркастически припомнила она чьи-то слова.

Она снова посмотрела на себя в зеркало, на этот раз ее лицо показалось ей куда более приятным. Отбросила прядь волос со лба и подумала, что всему виной неправильное освещение. В таком свете любая красавица будет выглядеть старой ведьмой. Вздохнув, она отвернулась. Раньше она любила смотреться в зеркала, теперь же скорее избегала этого.

На дворе поднялся ветер, и первый легкий порыв потряс оконную раму, словно ребенок, играя, нечаянно коснулся ее рукой. Высокие ели у ворот сердито зашумели, небо быстро темнело. Лужайка напротив утонула в туманной мгле. Осенний вечер. Такой вечер хорошо провести у камина с бокалом горячего красного вина в одной руке и романом Стивена Кинга – в другой.

Но только не в одиночестве. Тогда уж лучше забраться в постель, погасить свет и спать до самого утра, а утром проснуться свежей и набравшейся новых сил.

В доме стояла тишина, нигде не было слышно ни шепота, ни стука, ни других таинственных звуков. Только слабое звяканье стекла в оконной раме, да все усиливающийся шум ветра в кронах деревьев за окном. Все, как полагается.

Тем не менее, прежде, чем погасить свет, Вера надела теплый халат и туфли и еще раз обошла весь нижний этаж, чтобы убедиться, что все окна и двери надежно закрыты и заперты на крючки и засовы. Потом поднялась по недостроенной лестнице в тихую мансарду и направилась в спальню.

Там, под косым потолком, оклеенным розовыми обоями, царило умиротворение, долгожданный покой. Вера легла в постель, вытянувшись во весь рост, и выкурила последнюю сигарету. Потом погасила ночник, перевернулась на бок и уснула.

Глава 2

Пробудилась она от странного звука и первое время не могла сообразить, откуда он исходит. Еще несколько минут она лежала в полудреме, равнодушно прислушиваясь к мерному рокоту, похожему на шум горной лавины.

В окно пробивалось хмурое серое утро, растекаясь по полу, словно лужа грязной воды. Ветер за ночь усилился и превратился в шторм, набирающий силу.

Вера натянула одеяло до подбородка и сонно мигала, всматриваясь в окно, под которым утренний свет обнаружил еще две полумертвые мухи. Одна из них упала на спину в лужицу воды, скопившейся на подоконнике под влажным стеклом, и вертелась на месте, жужжа крыльями, вторая ковыляла рядом, бессильно волоча за собой одно крыло. Зрелище было невыносимым. Вера закрыла глаза и с отвращением отвернулась к стене, чувствуя себя совершенно беспомощной. Сколько еще эти насекомые будут отравлять ее покой?

Жужжанье мух, казалось, заглушало даже вой ветра. Быстрым движением руки она включила приемник на тумбочке у кровати, чтобы перебить несносный звук. В комнату ворвалась музыка, в которой потонуло все остальное. Монотонная, однообразная, словно космическая, время от времени прерываемая чем-то, что при большом желании можно было определить как человеческий голос, бессвязно выкрикивающий что-то за звуковым барьером барабанов и труб. Сумасшедшая музыка взбесившихся роботов. Симфония с того света.

Было еще довольно рано, чтобы вставать, но и достаточно поздно, чтобы снова заснуть, да и чересчур светло. Вера приподнялась на подушке, механическими движениями достала из пачки сигарету, закурила и вновь прислушалась к музыке, не имеющей ни начала, ни конца, словно грохот бездушных, мертвых машин. «Интересно, кто сочиняет такое?» подумала она раздраженно. Кто это играет, кто слушает, кому это может нравиться?

Издав последний пронзительный вопль, транзистор замолк, и в комнате воцарилась тишина. Вера выключила радио, погасила окурки в пепельнице и высунула из-под одеяла босые ноги. Подошвы на холодном полу сразу заоченели. В спальне было довольно холодно, за окном бушевал ветер, казалось, обрушиваясь на дом со всех сторон одновременно, пролетал мимо, взметая сухую листву, свистел по коньку крыши и улетал к опушке. Время от времени что-то мерно стучало в стену, наверное, плохо прикрытый ставень или отросший сук яблони.

Вера одевалась медленно, как бы нехотя. В свете осеннего утра планы о спокойной жизни в деревне показались ей смешными, почти детскими. Неужели было не ясно, что нельзя убежать от самого себя, что все, от чего хочется избавиться, продолжает тащиться рядом, не отставая ни на шаг?

Она хочет написать книгу, которая пока существует только в виде неясных представлений в ее душе. Сделать из ничего «нечто», запечатлеть придуманные ею образы на листе чистой бумаги. Вымышленные персонажи, вымышленные судьбы, вымышленная жизнь и вымышленная смерть. Писать книгу, подумалось ей, все равно, что рожать ребенка: когда чем больше проникаешь в суть дела, в которое вкладываешь все силы, когда начинаются родовые схватки – надо что-то делать, пережить, суметь превозмочь себя, совершить, казалось бы, невозможное.

И нет другого выхода, идет ли речь о ребенке или о книге – они должны в конце концов появиться на свет.

Она спустилась в кухню и сварила крепкий кофе. Внизу было еще холоднее, и она решила растопить плиту. Дым повалил сквозь все щели, как всегда, пока труба была холодной. Кашляя, она отворила окно и выпустила его наружу. Ветер рванул створку на себя, и Вере пришлось напрячь все силы, чтобы снова ее закрыть.

Она заметила, что буря повалила несколько деревьев на опушке, и теперь их корни вздымались к небу, словно руки в патетическом порыве. Тонкие деревья с большими кронами – такие первыми падают под ударами стихии.

Вера взяла с собой приемник и включила его, чтобы послушать сводку погоды. Вряд ли буря усилится, подумала она. Несколько деревьев она, правда, вывернула, но, может, не перейдет в ураган, не такой уж редкий в октябре, который срывает крыши, опрокидывает машины и вздувает воду в реках?

Утренний выпуск новостей сообщал об усилении ветра по всей южной Чехии, местами до силы шторма. В кухне было довольно холодно, хотя электрический радиатор был включен на полную мощность. Старый дом был весь в щелях, и от стен, особенно в углах, изрядно тянуло холодом. У Станды так и не поднялась рука обшить двухсотлетние дубовые бревна досками изнутри и снаружи, и он ограничился тем, что законопатил щели дегтем и мхом, который сам натаскал с болота и высушил на лужайке перед домом. Спальня под крышей была устроена недавно, поэтому ее сумели изолировать куда лучше.

Вере стало ясно, что, если буря не утихнет, ей придется топить и в кухне, и в гостиной практически целый день, иначе она попросту замерзнет. Дров, впрочем, в доме было вполне достаточно; Станда каждый раз обильно пополнял запасы поленьев и щепы. Теперь ей оставалось только подождать, пока дымоход не прогреется как следует. Потом плита сама дымить перестанет – это она хорошо знала по опыту.

Выждав минуту, она развела огонь снова. Старые газеты она разодрала на узкие полоски, на них наровняла щепки, а сверху разложила тонкие аккуратные поленья. Огонь охотно вспыхнул, бумага сгорела и подожгла сухое дерево, однако в ту же минуту плита опять немилосердно задымила, и Вера со слезящимися глазами снова подскочила к окну, чтобы выпустить дым. Потом раздраженно захлопнула за собой дверь и направилась в кабинет.

Ветер усилился и дико завывал в трубе. «Как духи, прячущиеся в дымоходе вместе с ведьмами и домовыми», подумала она. Снаружи время от времени доносился глухой стук. Наверное, это падали яблоки, которые там и сям еще висели на деревьях.

Вера решила больше не обращать внимания на бурю. В конце концов, выбирать не приходится: справиться с ней не в ее силах, остается терпеливо дожидаться ее конца.

Она села за стол и попыталась начать работу. У нее пока что было всего две-три страницы набросков сюжета. Роман повествовал о девочке-сироте, полумертвой от страха, которая ищет защиты у взрослых, но каждый раз находит разочарование: никто ей не верит, когда она рассказывает, что видела и знает. Никто, ни единая душа – пока, наконец, не станет слишком поздно.

Собственно, канва сюжета давно сложилась у Веры в голове. Но теперь, когда она осталась один на один, готовая перенести его на бумагу, когда вложила в машинку первые страницы, вся решимость вдруг оставила ее. Работа показалось ей такой же несбыточным делом, как поймать порыв ветра в лесу или вспомнить обрывочный сон. Канва исчезла, рассыпалась, разорвалась в клочья, словно пелена тумана поутру. Главная идея романа теперь представлялась пустой и надуманной: кому может быть интересна какая-то чужая девочка, кто поверит ее чувствам, кто будет сочувствовать ей?

Вера раз в десятый перечитала свои заметки и, наконец, медленно, с усилием, приступила к работе. Слова, тяжелые и бессвязные, одно за одним ложились на чистый лист бумаги. Неуверенные фразы, отражающие такие же неуверенные мысли. Впрочем, начало всегда было для нее самым нелегким.

Она с большим трудом напечатала две страницы, работа шла тяжело и медленно. Ей стало холодно, и она вспомнила об открытом окне на кухне. Дым, конечно, давно рассеялся, но и огонь в плите успел погаснуть. Стуча зубами от холода, она подошла к серванту, куда поставила несколько бутылок красного вина, купленного накануне, достала одну из них и отку-

порила. Пить в одиночестве ей всегда было противно, казалось, одна мысль об этом означает начало разложения, упадка и конца, но теперь, именно сегодня, она чувствовала, что выпить просто необходимо.

Она налила вина в медный котелок, на глаз добавила сахара, молотой гвоздики и корицы и поставила на газовую плитку в углу кухни. Горячее вино успокаивает и согревает, она это знала. Потом перелила обжигающий напиток в глиняную кружку и, медленно отпивая сладкую, чуть терпкую жидкость, ощущала, как по всему телу разливается тепло и приятная слабость. Рев бури и холодный осенний свет уже не так действовали на нервы.

Допив вино и в третий раз затопив плиту, на этот раз, кажется, успешно, она снова перешла в кабинет и заставила себя приняться за работу. Допечатав страницу до конца, она вытащила лист, перечитала, смяла его и начала сначала. Медленно продвигаясь вперед, перечеркивая, исправляя, переписывая, она все же ухитрилась придать хотя бы внешнее правдоподобие началу своего романа.

Проснувшись она рано, гораздо раньше, чем обычно, и чувствовала себя невыспавшейся. Но теперь, после того, как выпила второй стакан импровизированного грога, она казалась себе вполне умиротворенной и довольной собой и своей работой.

Бросив мимолетный взгляд на часы, она с изумлением увидела, что на них всего половина двенадцатого. Время словно остановилось. Господи, неужели и остальные дни будут тянуться так же бесконечно?!

В этот момент ее внимание привлек какой-то новый звук – больше всего он походил на стук в дверь. Вера вздрогнула всем телом и тут же почувствовала, что все ее спокойствие и умиротворение было напускным. Что даже несмотря на выпитое вино она по-прежнему ужасно боится. Стук повторился, уже сильнее, и Вера отважилась встать и бросить короткий, нервный взгляд в окно кухни. У калитки под елями стояла незнакомая маленькая машина.

Кто может ее разыскивать? Ведь никто не знает, что она тут. Кроме Станды, конечно. Но эта машина точно не его.

Она уже подумывала просто не отзываться, сделать вид, что дома никого нет, но, когда стук повторился в третий раз, все же встала и неуверенными шагами на ногах, сделавшимися вдруг ватными, приблизилась к двери. Отперла дверь и стала сантиметр за сантиметром приоткрывать ее, в то время как буря изо всех сил старалась ей помешать. И моментально пошла краской от облегчения и стыда, увидев того, кто стоял снаружи.

Черная фуражка на голове, кожаная куртка и сумка через плечо. Почтальон. Одной рукой он придерживал фуражку, готовую в любой момент улететь бог знает куда, в другой держал какую-то бумагу.

Вера еще сильнее налегла на дверь, чтобы освободить место для прохода, и подумала: «Интересно, заметно ли по мне, как сильно я перепугалась? А чего, собственно, я ожидала? Что за дверью окажется маньяк, психопат, убийца?»

Почтальон растянул губы в широкой улыбке и, переступив порог, с облегчением оперся о дверной косяк.

– Дует, – сказал он лаконично. – Пани Клаусова, верно? Здравствуйте. У меня для вас заказное письмо, вот я вас и побеспокоил. Извините, вы должны еще подписать тут и тут. Пожалуйста.

Вера заметила, как дрожит ее рука, когда она принимала у него ручку и быстрыми движениями писала на бланке квитанции свою фамилию.

– Спасибо, – сказала она. – Я вижу, здесь, в деревне, почта до сих пор работает как в старые добрые времена. В Праге нас никто так не балует, за заказным мы должны сами отправляться на почту и выстоять очередь... Могу я предложить вам чашечку кофе?

После пережитого испуга она говорила, чуть заикаясь. «Что это со мной?», раздраженно подумала она.

– Ну, что же, думаю, наши люди и заслуживают тут лучшего отношения, – бодро ответил почтальон, вручая ей довольно большой коричневый пакет. – А за приглашение спасибо, только, к сожалению, задержаться не могу. В такую погоду работа отнимает в два раза больше времени, даром, что я на машине. Ужасный ветер. И обещают, что к вечеру еще усилится.

Совместными силами они распахнули дверь, почтальон галантно отдал ей честь, приложив руку к козырьку фуражки, и широкими шагами направился к машине. Вера стояла у окна и смотрела ему вслед, пока машина не выкатилась по горбатой дороге между деревьев к шоссе. Только потом она вспомнила, что он ей привез.

Большой конверт с ее фамилией и адресом. «Интересно, как кто-то сумел узнать, что я здесь?», подумала она. Она перевернула конверт и прочла имя отправителя. Л.Е.Вангеур. И адрес какой-то улицы в Пльзени.

Имя ей ничего не говорило, никакого Л.Е.Вангеура она не знала. Может быть, это все же какая-то ошибка? Поколебавшись, она вернулась в кабинет и вскрыла таинственный конверт.

Внутри оказалась не очень толстая стопка бумажных листов, перевязанных широкой розовой тесьмой. На первой странице была только надпись «Портрет Вероники». Вера перевернула лист и увидела письмо или, скорее, просто записку, тоже отпечатанную на машинке. Она гласила:

«Уважаемая пани Клаусова!

Посылаю вам свой роман. Пожалуйста, прочтите его и оцените. Заранее благодарен. Л.Е.Вангеур»

Итак, все было ясно. Рукопись, которую начинающий любитель прислал для оценки профессионала. Случалось и ранее, что совершенно незнакомые люди обращались к ней с просьбой дать комментарии или оценку своему «творчеству» – роману, повести или просто рассказу; наверное, таков удел любого мало-мальски известного писателя. Вере каждый раз это было неприятно. Она не любила заявлять открыто, что работа никуда не годится – а, к сожалению, так чаще всего и было. Ненавидя вранье, она не могла и сказать, что произведение удачное или станет таким, стоит его немного подправить, отредактировать. И она всегда старалась как-то выкрутиться из подобных переделок. Словно мало ей собственных хлопот!

Она устало вздохнула, откладывая рукопись на стол рядом со своими черновиками, и подумала: «Ну, что ж, видимо, придется как-нибудь заняться и этим...»

Она вышла в кухню, приготовила легкий обед и, наевшись досыта, снова села за рабочий стол. На этот раз ей удалось вполне сносно напечатать несколько страниц. Пока она еще была в первой главе, но уже видела, что работа пойдет, хотя и не так споро, как надеялась вначале. Слово за словом, строчка за строчкой, мысль за мыслью. Может быть, в конце концов, ей удастся связно изложить их на бумаге, так чтобы читатель проникся ими, поверил им и принял за свои. Ведь, честно говоря, разве не в этом заключена мечта всех писателей – заставить остальных смотреть на мир их глазами?

Поработав несколько часов, она решила сделать перерыв и отдохнуть над чашкой кофе с сигаретой в руке. И раз уж никакого другого занятия не предвиделось, решила взять рукопись, которую принес почтальон, и почитать хоть немного.

ПОРТРЕТ ВЕРОНИКИ

Портрет висел посреди стены над книжной полкой. Он был повешен так, что оказывался первым, на что обращался взгляд вошедшего. Я не уверен, что он был хорош с точки зрения художника-мастера, точно так же не могу и судить, походил ли он на ту, которая послужила моделью. Я помню только, что с первого мгновения он произвел на меня ошеломляющее впечатление – может быть, потому, что косые лучи вечернего солнца падали на него

чуть сбоку и создавали мягкие, глубокие тени, почти рембрандтовские. Или что-то меня привлекло в улыбке девушки на нем, не знаю.

На портрете была изображена девушка или молодая женщина – ей могло быть года двадцать два—двадцать три, не больше. Блондинка с волосами, растекшимися по обнаженным плечам так, как, видимо, попросил художник. Я узнал прическу – такую носили все женщины в конце семидесятых – кажется, ее ввела в моду какая-то американская кинозвезда, и прическа со скоростью молнии распространилась по всему свету. Но, по крайней мере, этой девушке она бесспорно шла.

Выражение лица ее было милым и немного детским: чуть высоко расположенные скулы, короткий ровный нос и полноватые губы. Она не была красивой в полном смысле слова, но несмотря ни на что, самой привлекательной женщиной, какую я когда-либо видел.

На ее лице играла чуть заметная улыбка, пожалуй, только в уголках глаз; рот был слегка приоткрыт, как у ребенка. Цвет ее глаз художник явно утрировал: я убежден, что в природе такого цвета просто не существует – голубой, переходящий в зеленый, с легким оттенком лазурно-синего. Вообще портрет создавал ощущение полной нереальности – видимо, поэтому я и сомневался, хорош ли он. Ведь в таком случае красота девушки была не настоящей, улыбка на полотне – не ее, да и глаза могли оказаться банально зелеными.

Но что-то в ее облике – то ли манера держать голову, то ли приподнятый подбородок, чуть-чуть больше того, чем подобает – указывало на то, что за внешней нежностью ее лица скрывается нечто большее, определенная толика самостоятельности, решительности, даже жесткости. Это было отчетливо видно и удивительно волновало, таясь в уголках губ, словно невысказанное проклятие. Когда я заметил это, то поневоле обратил внимание и на другие черты, пусть всего лишь в нюансах: холодную, едва заметную, надменность взгляда, грубоватость, эгоизм. Наверняка художник не собирался отражать их на портрете – вряд ли он вообще обратил на них внимание. Думаю, он хотел просто показать свету ее красоту, милость, очарование и притягательность. Но картины, как и хорошие фотографии, часто отражают больше, чем видно простым взглядом.

У нее были узкие, изящные брови, изрядно выщипанные по тогдашней моде и подчеркнутые тушью. Ресницы, длинные и изогнутые, тоже были подкрашены. Я отчетливо представил себе ее, сидящую у зеркала и короткими, чуть заметными движениями наносящую на ресницы тушь смешной малюсенькой щеточкой. Брови ее были слегка приподняты, и в глазах как бы сквозило удивление: неужели я и вправду все еще такая же красивая, как вчера, или уже начала неудержимо стареть и терять красоту? Наверняка она как любая двадцатилетняя девушка с затаенным испугом искала на своем лице первые морщинки в уголках глаз или губ. Они появятся, конечно, но только лет через пять. Интересно, что она подумала в тот момент?

Я с удивлением поймал себя на том, что постоянно думаю о ней, как о двадцатилетней, хотя и не знал ни в каком году был написан портрет, ни сколько ей лет теперь, да и жива ли она еще. Мне пришлось подойти и внимательно всмотреться в него в поисках ответа на мой вопрос.

Портрет был подписан именем, показавшимся мне русским, в углу я нашел и полуразборчивое посвящение. «Веронике, моей лучшей модели».

Итак, ее звали Вероника, и, судя по прическе, портрет был написан где-то в конце семидесятых или начале восьмидесятых годов. Это значит... это значит, что если она еще жива, ей должно быть уже за тридцать. Для меня почему-то было невыносимым представление о том, как неумолимо менялось ее лицо, как с него стиралась девичья милость и проступала жесткость взрослой женщины, как нежные локоны на висках превращались в короткую стрижку или прическу с узлом на затылке. Наверняка теперь от девушки на портрете осталось мало, разве что она умерла в молодости – в конце концов, лишь немногим людям

старость к лицу, большинству же полагалось бы умереть лет в двадцать пять-тридцать, не старше, подумал я.

Я пододвинул кресло к камину, задернул шторы и выключил свет, кроме настольной лампы. В мятущемся зареве огня камина казалось, что девушка на портрете ожила. Вероника опять была живой и улыбалась мне из своей позолоченной рамы. Наверное, ей было приятно, что на нее снова смотрят. Смотрит мужчина, после стольких лет одиночества.

Наверное, самым простым было спуститься и напрямик спросить Томаша, откуда взялась эта необыкновенная девушка на стене комнаты для гостей, над банальнейшей полкой со старыми книгами – в комнате, которая ей не пришла бы по душе, я уверен. Только мужчина чувствует себя хорошо в такой комнате, пропитанной табачным дымом и забитой старой мебелью во главе с огромным письменным столом, за которым за целую жизнь никто не написал ни строчки.

Я уже поднимался из кресла, когда Вероника остановила меня своим взглядом и чуть заметной улыбкой. Мне показалось, что она говорит: «Не лучше ли подождать до завтра? Ты и без того в свое время узнаешь, кто я такая. А Томаш не любит, когда его отрывают от дел по пустякам, тебе это хорошо известно. И завтра, может быть, еще не будет поздно, верно? Если уж я ждала здесь столько лет».

Я кивнул, Вероника благодарно улыбнулась и замолчала. Она была права. Я слишком долго ждал этой минуты. А теперь, когда я, наконец, встретил ее...

Внезапно я понял, что смертельно устал. Я лег в постель и выключил лампу. В свете догорающего огня камина я смутно видел ее лицо и светлую прядь волос, которая мягко ниспадала на округлое девичье плечо. С ее образом за опущенными веками я и уснул – и чувствовал себя таким счастливым, как уже давно не чувствовал, и уж точно не одиноким...

Я видел сон. Мне снилось, что я опять сижу в глубоком кожаном кресле у камина и в отблесках огня вижу Веронику. Она стояла рядом в красном платье, от пояса донизу разрезанном на длинные полосы, напоминавшие лепестки тюльпанов, но, присмотревшись, я понял, что это языки пламени. Ее грудь и голова словно тонули в огне, а руки воздевались в трагическом жесте, словно Вероника умоляла меня: «Пойдем, пойдем со мной! Забудь обо всем и ступай за мной!»

Камин погас, и нас окружила тьма. Я понимал, что все это мне только снится, но при этом чувствовал легкое удивление, что вижу один и тот же сон с Вероникой. Мы шли во тьме – Вероника чуть впереди, – и ее платье снова пылало в ночи как факел. Она шла быстрее и быстрее, слегка пританцовывая в своих красных туфельках как сказочная фея. Иногда она оборачивалась ко мне, словно умоляя поспешить. Темнота окружила меня со всех сторон, будто тяжелый плюшевый занавес. И я потерял Веронику из виду.

Я нашел себя в слабом сером свете угрюмого рассвета и каким-то образом почувствовал, что земля под ногами – мое собственное сердце, обожженное, израненное и пустое. Оно оказалось куда некрасивее, чем я думал: безутешное, серое и одинокое, холодное и омерзительное, словно пашня поутру, до того, как милосердное солнце скроет ее отвратительную наготу.

Рядом со мной от земли вверх поднималась тонкая струйка дыма. Горсть пепла на высохшей почве, остаток маленького костра.

– Это мои мечты. Я сожгла их.

Голос Вероники раздался совершенно явственно, и только тут я увидел, что она сидит на земле у моих ног. Теперь она казалось совсем маленькой, уставшей и бледной, изорванное красное платье висело лохмотьями. Я перевел взгляд обратно на кучку пепла и заметил, что из-под чадящих остатков виден край красной шелковой ленточки. Вероника перехватила мой взгляд и кивнула:

– Да, мои туфельки я тоже сожгла. Теперь я свободна, могу идти, куда хочу, и ничего не носить с собой.

Я протянул к ней руку, собираясь утешить, но она исчезла. Я встал на догоревшее кострище и затоптал пепел в землю. Вероники не было, но ее голос звучал в моей голове как колокол:

– Забудь обо всем и ступай за мной...

Когда я пробудился, эти слова звучали где-то глубоко в подсознании. Я встретился глазами с ее взглядом со стены. Мне показалось, что она снова улыбнулась и даже слегка встряхнула волосами, но когда я привстал на локте, чтобы приглядеться, чудо исчезло, и Вероника словно бы сказала: «Ты же взрослый человек и понимаешь, что нарисованная девушка не может ни двигаться, ни улыбаться! А я ведь провисела тут целую вечность. Думаешь, мне это нравится?»

Я встретился с Томашем за завтраком в его большой старомодной столовой. Он ел молча и при этом машинально перебирал утреннюю почту. Быстрыми движениями он вскрывал конверты, пробежал глазами письмо и отбрасывал одно за другим с равнодушным видом. Писем было много, и я не решался его отвлекать. Я молча съел яйцо всмятку и грейпфрут и вытирал чашку кофе с молоком. Только когда Томаш покончил со своим занятием и закурил свою первую сигару, я отважился задать ему мучавший меня еще с вечера вопрос:

– У тебя наверху висит девушка. Кто она?

Томаш оторвал невидящие глаза от последнего письма, которое до сих пор крутил в руке, и уставился на меня как на ненормального.

– Гм... – проворчал он. – Что ты сказал? Какая девушка?

– Девушка на картине. Вероника. Кто это?

Он ответил не сразу, сначала расправил письмо, аккуратно сложил его вчетверо и сунул в карман халата. Только теперь до него, видимо, дошел смысл моего вопроса:

– А, ты об этом. О портрете? Только он не мой.

От изумления я чуть не свалился со стула:

– Как не твой?! Почему же... почему тогда он там висит? И чей он?

Томаш улыбнулся:

– А что, он тебе понравился? – спросил он. – Ну, думаю, если захочешь, ты можешь его получить.

Это уж было чересчур даже для меня. Только вчера Вероника бесплотным призраком вошла в мою жизнь, а теперь мне говорят самым обыденным тоном на свете, что я могу получить ее портрет и владеть им до конца жизни, стоит мне только пожелать. Видимо, я банально вытаращил глаза, потому что Томаш засмеялся. Потом он наклонился через стол и стал рассматривать меня с выражением холодного интереса. Наверное, я казался ему одной из его подопытных морских свинок или белых мышей, с которыми он провозился всю жизнь. Чувство было не из приятных.

– Послушай, – сказал он, наконец, – по-моему, этот портрет – убогая мазня неизвестного художника, к тому же с приторной манерой письма. Тебе так не кажется?

Я вспомнил репродукции Пикассо на стене его кабинета. Рядом с ними портрет Вероники, без сомнения, должен был казаться убогим и приторным.

– Полагаю, если бы он что-то стоил, – продолжал Томаш, – вряд ли прежний хозяин оставил бы его здесь.

– Да, но модель... – упрямо повторил я свой первый вопрос. – Сама Вероника?

– Гм... – пробормотал Томаш. – По правде говоря, я не знаю, кто эта девушка или кем была. Но мне кажется, что она когда-то жила в этом доме. Много лет назад. Правда, не уверен, что это так.

Тем не менее, мне показалось, что я приблизился к ней на шаг. Выходит, она жила в этом доме, ходила по этим комнатам. А портрет мог висеть на том же месте, что и теперь. Она смотрела на него и сравнивала с изображением в зеркале, с признательностью улыбаясь. Наверное, она была счастлива здесь. А потом... потом она покинула этот дом. Но почему?

– Но как тебе достался этот портрет? Я так понял, он принадлежит прежнему хозяину? Почему же он его не забрал?

Томаши пожал плечами:

– Он висел на том же месте, когда я сюда переехал. Тот человек, у которого я купил дом, не стал его забирать и попросил, чтобы я оставил его повисеть. Я не стал возражать, потому что если его снять, на стене останется дырка от гвоздя, да и обои вокруг него выцвели.

Томаши затянулся сигарой и немного помолчал. Потом продолжил:

– Знаешь, в мансарде с тех времен остался еще старый комод. Не знаю уж, забыл ли он его или сделал это специально, но когда я ему потом звонил, он сказал мне, что я могу оставить комод себе. Ну, я так и сделал: в конце концов, это неплохой экземпляр старинной мебели, почти антиквариат. Думаю, в ящиках еще даже остались его вещи. Честно говоря, у меня как-то не дошли до них руки за эти годы. Полагаю, там всякая ерунда, вроде старых фотографий, писем, ну, и тому подобного. Как-нибудь я им займусь, но попозже.

– Ну, я мог бы тебе в этом помочь, – неуверенно предложил я. – Если уж я все равно живу у тебя...

Томаши отрицательно махнул рукой:

– Об этом не может быть и речи. Ты же приехал сюда, чтобы сосредоточиться и продолжить работу. Речь идет о твоём большом романе, деле всей жизни. Так что не пытайся выкрутиться. Или тебя тут что-то не устраивает?

– Нет-нет, все в порядке, – ответил я сконфужено. – Только вот...

– Может, тебе не нравится твоя комната? Если хочешь, можешь перебраться в другую, места тут много. Думаю, спокойная обстановка для писателя – это самое важное.

Томаши был таким тактичным, что мне стало неловко. Ну, не мог же я, в конце концов, заявить ему, что то, что он назвал моим «большим романом», меня теперь нисколько не занимает, а главное и единственное мое желание – побольше разузнать о той, которая была изображена на портрете. Я мечтал познакомиться с ней, узнать, где она живет, увидеть ее, говорить с ней...

– Да нет, комната отличная, – ответил я. – Через несколько дней я соберусь с мыслями и начну работу.

Томаши вполне удовлетворил мой ответ, и большие мы не заводили разговор на эту тему. Ведь я все равно не сумел бы объяснить того, что со мной произошло. Тем более, избавиться от волны чувств, которые нахлынули на меня после встречи с этой незнакомкой на картине. Все это было ужасно абсурдным, да и сам я казался себе попросту смешным.

Несколько дней я провел в раздумьях, как снова попросить у Томаши разрешения осмотреть комод в мансарде – и, наконец, решил сказать ему правду, разумеется, приукрашенную.

– Помнишь, мы говорили о картине в моей комнате? По-моему, я знал ту девушку на портрете, – сказал я тоном, который мне самому казался непринужденным и почти равнодушным. – Вроде бы я когда-то встречался с ней, хотя уже и не помню, где и когда. Ты не возражал бы, если я немного осмотрю то, что осталось в том комодe под крышкой? Может быть, мне удастся отыскать нить. Знаешь, мне очень хочется узнать, кто эта девушка и где она теперь. Как фамилия того человека, у которого ты купил дом?

Томаши смерил меня исподлобья и буркнул:

– У меня, разумеется, было где-то записано, только я вряд ли сразу сумею это найти.

Я понял, что он принял мои слова за новую уловку, чтобы в очередной раз отвертеться от неприятной работы и отдалить момент, когда не останется ничего другого, кроме как сесть за стол. Томаши отлично знал, какой я лентяй, тем более, в начале работы. Но ему и в голову не могло прийти, что я поставил своей главной целью узнать о Веронике как можно больше.

Комод оказался самым обыкновенным, старомодным, выкрашенным белой краской, довольно большим, с четырьмя массивными ящиками. Добротная вещь, но до антиквариата ему было далеко, тут Томаши преувеличил. Я заметил, что у меня дрожали руки, когда я выдвигал верхний. Но я не стеснялся этого.

Разумеется, ничего особенно ценного там не оказалось. Ящики были набиты всякой всячиной. Очевидно, чувство порядка Веронике (если он принадлежал ей) было почти незнакомо. Внутри оказались старая одежда, явно сваленная в одну кучу перед отъездом, да всякие безделушки из числа тех, которые берешь в руку, словно взмешивая и оценивая, стоит ли их прихватить с собой или оставить на месте навсегда позабытыми в ящике старого комода в мансарде. Наверняка Вероника именно так и поступила: задумывалась на несколько секунд над каждым предметом и наполнялась воспоминаниями, с ним связанными. А потом со вздохом укладывала его на прежнее место и задвигала ящик. Сколько воспоминаний и вещей нельзя захватить с собой, тех бесценных мелочей, отслуживших свое, лишних, разбитых, испорченных, которые когда-то были так любимы... С большой поклажей за плечами путешествовать невозможно.

Я нашел простую расклеенную юбку из шерстяной клетчатой ткани, с высоким поясом и широкими бретельками. Такие юбки носили все девочки в середине семидесятых. Засушенный цветок в картонной папке, куклу с треснувшей головой, давно засохшую перьевую авторучку... Наверное и вправду глупо забирать с собой такие вещи. Это показалось мне бессмысленным и трогательным одновременно. Может, именно эта кукла была ее любимой игрушкой – так, по крайней мере, хотелось мне думать.

Я сунул руку глубже в ящик ниже и выловил пару туфельек или, скорее, балетных пуантов из белого шелка с длинными шнурками. Они были потертые и грязные, шнурок на правом порвался и был связан на скорую руку.

Потом моя рука наткнулась на плоскую круглую пудреницу с нарисованным на крышке изображением светской дамы в огромной шляпе с перьями. Шляпа была зеленая, украшенная красными розами, а дама под ней – последняя французская королева, которая много-много лет тому назад на плахе лишилась как шляпы, так и головы под ней.

Когда я неосторожно раскрыл пудреницу, из нее выпала ватная пуховка, и я почувствовал сладкий аромат, от которого закружилась голова. Я закрыл глаза и прислушался к тому, насколько приятно находиться рядом с Вероникой. Мне казалось, что она стоит рядом со мной, в этой запущенной мансарде, что на ней – клетчатая юбка, на ногах – пуанты, а в руках – кукла, еще не старая и не разбитая, и мне достаточно протянуть руку, чтобы прикоснуться к ней. Она улыбалась мне уже знакомой улыбкой, и мы оба утопали в волшебном аромате ее пудры.

Я открыл глаза, и Вероника исчезла. Но взамен ее остались пудреница, и балетные пуанты, и кукла, и юбка, и улыбка на портрете, и имя – и все это было куда больше того, о чем я мог даже мечтать.

Я добрался до нижнего ящика, но больше не нашел ничего интересного. Впрочем, нет, была еще одна вещь: синяя школьная тетрадь, на первый взгляд самая обычная, какими до сих пор пользуются школьники. Идеальный почерк на обложке сообщал, что тетрадь служила для сочинений по чешскому в последнем классе гимназии.

Я поразился, как до самой последней минуты все играло в унисон, как будто так и было задумано. Тетрадь без всяких околичностей сообщила мне, в каком городе жила Вероника и какой была ее девичья фамилия. Все эти бесценные знания достались мне так легко, что я даже не успел удивиться.

Как и тому, что она выросла в том же городе, что и я сам, и ходила в ту же гимназию...

Когда я прочел ее сочинения, я узнал о ней еще больше. Ее взгляды на жизнь, на окружающий мир, на людей... Последние годы ее учебы совпали с годами так называемого режима нормализации, и Вероника, как и почти все остальные молодые люди в то время, тоже не избежала депрессии. Тогда мы еще не знали, что впереди нас ждет больше десяти лет унылого застоя.

Стоило пробежать глазами несколько первых страниц ее тетради, как мне стало ясно, что Вероника выражает свои мысли на бумаге необычайно легко, да к тому же и сама об этом знает. Ее последнее сочинение называлось «Наперекор мечте» и начала она его цитатой из поэмы, которую я в молодости очень любил, но забыл позже: «И главное – идти наперекор мечте».

Пролистав тетрадь, я закрыл ее и положил обратно в нижний ящик комода. Я уже спускался по лестнице, когда вдруг передумал, вернулся, достал куклу с треснувшей головой и остальные вещи и снес их вниз. Кто знает, пришло мне в голову, может, когда я встречу Веронику, ей будет приятно увидеть их снова.

Вечером мы вместе с Томашем сидели в гостиной, пили пиво, смотрели теннис по телевизору и разговаривали о всяких пустяках, когда Томаш вдруг спросил:

– Ну, и что же ты нашел в том комодe? Надеюсь, не клад?

– Да нет, в основном, старые, никому не нужные вещи, как ты и предполагал. Женские туфли, белье и всякое такое. Никаких драгоценностей.

– Полагаю, что так. Только в плохих романах в шкафах и комодах находят сокровища. Если бы там было что-то ценное, не думаю, что тот человек все это оставил бы.

– Ты о том, кто владел этим домом до тебя? Расскажи мне о нем, хоть немного. Как он выглядел, сколько ему было лет? Как его звали? И что вообще это был за человек?

Томаш бросил на меня из-за стекол очков хитрый взгляд:

– Просто невероятно, какой интерес ты вдруг проявляешь к этому портрету. Уж не влюбился ли ты в него? Или, может, эта девушка тебе точно знакома?

Я кивнул:

– Считаю как хочешь, только рассказывай.

– Что именно?

– Я хочу, чтобы ты описал мне человека, у которого купил этот дом.

– Ах, это! Ну, сказать по правде, я о нем почти ничего не знаю, хотя, разумеется, могу найти его имя в старых документах. Он был офицером, кажется, надпоручиком или капитаном. Очень молодой человек, приятной, хотя и довольно стереотипной внешности. Нет, не совсем то... в общем, он выглядел вполне симпатичным, просто немного задумчивым и неразговорчивым. Помню, он сказал мне при первой встрече, что такой большой дом ему уже не нужен, а когда мы подписали купчую, он осмотрелся вокруг, как будто прощался с домом, и произнес вполголоса, большие сам для себя: «Трудно отрываться от места, где ты был так счастлив. Или так несчастлив». Я промолчал, да он и не ожидал ответа на свои слова. На этом мы и расстались. Я переехал в этот дом и сделал его своим. Вот, собственно, и все.

Я посмотрел на Томаша и подумал: «Этот дом все еще принадлежит Веронике. Все, что когда-то было ее, принадлежит ей».

Томаш задумчиво посмотрел на меня и добавил:

– А что, уж не собираешься ли ты использовать тему этой Вероники, ее портрета и бывшего хозяина дома в своем романе? По-моему, это была бы не так уж глупая мысль. Как ты считаешь?

И тут меня осенило. Мой первый роман! Книга о Веронике! Разумеется, я напишу о ней роман! Эта мысль была такой простой и естественной, что мне показалось, будто все это время я носил ее в голове. Но, признаться по правде, это было целиком и полностью идеей профессора Томаша Пуызара, старинного друга моего отца, умершего так рано...

Вера отложила прочитанную страницу в сторону. Потом долгое время сидела в полумраке, размышляя о прочитанном. Больше всего ее интересовало, как этому неизвестному автору удалось отыскать ее адрес.

Пока она читала, на землю спустились мягкие осенние сумерки. Она зажгла несколько ламп, обошла дом и отметила, что почти свыклась с ним. Не стоит пугаться, если на то нет причин. Наконец-то она полностью прочувствовала прелесть одиночества, полностью отвечающую ее представлениям о собственном жилище: как бы ни бесновалась буря за окнами, в доме было тихо и уютно.

Она решила пойти спать пораньше, но сон не приходил. Странно, но она чувствовала себя совершенно бодрой. В голове у нее, как в волшебном хороводе, мелькали персонажи ее новой книги, почему-то вперемежку с героями романа неизвестного автора-любителя. Как она ни пыталась, ей так и не удавалось их прогнать. Поворочавшись беспокойно с боку на бок, она не выдержала, включила лампу и потянулась к рукописи, которую получила утром. Раз уж все равно заснуть не получается, почему бы не прочесть еще несколько страниц?

...Возвращение после стольких лет в город, где ты родился, прожил детство, юность и первые годы зрелости, пробуждает в человеке двойственные чувства. Как только я сошел с поезда, остро почувствовал, что я тут чужой, что слишком много воды утекло с времен моей молодости.

Проходя закопченным залом вокзала, я подсчитал про себя, сколько лет прошло с тех пор, как я бывал здесь в последний раз. У меня получилось пятнадцать. Выходит, Веронике в то время было...

Неприятные чувства разом оставили меня. В конце концов, я приехал за ней, а не из-за воспоминаний о молодых годах, которые тут провел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.